

СЕРГЕЙ НЕБОЛЬСИН

ГОДЫ С ПЕТРОМ ПАЛИЕВСКИМ

К 80-летию учёного

О том, что есть Пётр Васильевич, я узнал в 1962 году. Сказала мне об этом Юлия Васильевна, его сестра и наша преподавательница английского. Вскоре я прочёл его нашумевшую тогда статью о структуралистах. Она выясняла следующее: как собрались в Прибалтике ловкие портняжки и шьют широкое платье королю. А король голый, а дураки портняжек превозносят.

Так кончалось – или в это вылилось – слякотное десятилетие “оттепели”. (Слякоть – её шолоховская оценка.)

* * *

Потом, когда нас свела служба, было крайне суровое время – застой, разгул застоя. Шёл 1978 год, весна. А мы стояли битых три часа в верхнем зале аэропорта Шереметьево. Самолёт из Будапешта опаздывал. Летело же к нам в гости, в московский Институт мировой литературы, какое-то венгерское академическое начальство.

У них почти у всех были, оказалось потом, родственники – в Париже, в Канаде, то есть в прибежище усташей и бандеровцев; а также у нас, в Одессе и Витебске. Ну да ладно. А мы – это заместитель директора Пётр Васильевич Палиевский и аз пишущий, вроде переводчика. В зале царила толкучка. Где-то на скамейках вдруг обнаружился и Лазарь Ильич Лазарев-Шиндель из Союза писателей СССР или из “Вопросов литературы” (я этого точно не скажу, но знал его с детства и по “Литературной газете”). Тяжело раненый фронтовик, коммунист, марксист и по духу даже ифлиец, он проводил очередного члена семьи в Нью-Йорк. Толпилась ещё и шумела некая чернокожая молодёжь.

Вообще просматривалось любопытное деление среди живших страстями и идеями времени. Все, кто из колоний – те хотели выглядеть как колонизаторы: чтобы джинсы, тёмные очки, пробковый шлем или панама и крайне непринуждённый вид. Все из Восточной Европы – чтобы внешне тянуть по меньшей мере на Западную; и все из ГДР – чтобы вроде из ФРГ, Австрии или Швейцарии. И т. п. Поведенческие стратегии и практики. Парадигматика. И т. п.

Обмениваясь шутками на этот счёт, мы заходили в близлежащие помещения – ларьки-буфеты и так далее. При случае Пётр Васильевич рассказал, как беспардонно и беспринципно-невообразимо пользовался одной туалетной принадлежностью в аэропорту “Шарль де Голль” некий негр, причём негр со здоровенным биологическим измерением. Меня аж передёрнуло.

Вернулись в общий зал. Там опять галдели, в своей куче, высокие, негро-семитоподобные и мелко-мелкокурчавые люди. И Пётр Васильевич промолвил: “Нет, Серёжа, а правильно ведь Пушкин сказал:

*Ефиопы видом чёрные
И как углие глаза...*

Просто в точку!”

Я видел, что это не эфиопы, а сомалийцы. И язык их был мне знаком, и уменьшенные против среднего, как у ангелочков, круглолобые физиономии, и тот же неперменный галдёж — даже громче кубинцев, цыган и итальянцев. И я заметил Петру Васильевичу, что слова это не Пушкина, а Некрасова, из стихотворения “Влас”. Его любил и исступлённо-заклинательно исполнял когда-то Достоевский.

*И дают, дают прохожие!
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божию
По лицу Руси родной.*

Или как? Ну, примерно так, но уж точно не Пушкин, а Некрасов. Вы согласны?

Ну, вы-то согласны или даже в чем-то поправите. Однако что же Палиевский-то? Чем ответил Палиевский?

“Черт возьми: ведь правда, я дал маху. Впрочем, не важно! Некрасов вполне по-пушкински сказал. И знаете, Серёжа: так и надо судить. Если в любом поэте есть хоть что-то от Пушкина — ну хоть какое-то пушкинское зёрнышко, — то это и определяет, насколько поэт и русский, и подлинный, и натуральный. Нет, без пушкинского зерна не создашь ни за что всенародной песни, вроде “Коробушки” или “Меж высоких хлебов затерялся”.

Вот он, Палиевский. Вот вы, Пётр Васильевич, сказал бы я ему. Какой бы ни случился сбой, оговорка или промашка — ни тени замешательства. Но человек быстрее собрался и изрёк то, чего никогда не забыть.

* * *

Не знаю, печатал ли он где свою эту мысль о пушкинском зерне. Пересказывать же буду вперемешку: и печатное в Палиевском и не печатное. И всё так самобытно, всё — ну, так восхитительно, всё **глубочайше-существенно**. Всё подлинное и должно казаться нам русским и пушкинским. Не зря же воскликнул Юрий Кузнецов: “Отдайте Гамлета славянам!” Стоило взять его у Британии только ненадолго, и возник Григорий Мелехов. А ведь это крепче Гамлета! И в духе “Капитанской дочки”. Аксинья же — это как девица за водой поутру шла: мол, “не хочу перстня носить — хочу так дружка любить”. Ну, так оно и вышло. А ведь Пушкин предупреждал, устами няни и Татьяны.

* * *

Обо многом предупреждал и Палиевский. Например, что не надо превращать в банальный адюльтер Гурова и даму с собачкой, Аксинью с Григорием. Да, Западу только адюльтер и понятен. Но нам-то стоит ли забывать что Тристана и Изольду, что Ромео и Джульетту в их глубочайшем смысле. И не был ли Палиевский двигателем известной дискуссии о классике? Помните?

При нём, находясь в надёжных руках, состоят и Гамлет, и Гамсун, и Шолохов. При нём и Пушкин с Лермонтовым — по его словам, “поэтом без задачи”; при нём и Булгаков с романом, написанным ради задачи единственной — пробудить Ивана Понырева в забывшем своё Бездомном.

Отдайте, оставьте любой неразрешимый вопрос Палиевскому. И не тштесь, разорвав такой вопрос на клочки повседневности, решить его впопыхах: на сегодня, мол, и этого хватит; мол, на сегодня и это сойдёт.

Я мог бы много написать об изумительном человеке, но ограничусь малым. А что: на ошибки его я уже указал; на неподобный дар собраться и изречь непререкаемое – тоже. Учтите и неподобность его самого, человека.

* * *

Не удержусь и замечу (свойство “не удержусь и” Палиевский подчеркнул в Суровцеве и подобной братии критиков-доносителей). Я же не удержусь вот почему. То есть как это Лермонтов – поэт без задачи? Задача-то была; была, и сам же Лермонтов её и нащупал. Но не решал.

Во-первых: ни в коем случае не погибнуть раньше времени, да ещё имея для себя образец в лице Пушкина.

Во-вторых. Не погибнув до срока, сделать самому так, чтобы “нам уже и делать было бы нечего”, как выразился Лев Толстой. И ведь было, было в Лермонтове для этого пушкинское зерно!

В-третьих – не

*смотреть до полночи...
на пляску с топаньем и свистом, —*

а поступать по-другому.

Посмотренье на народ – его в своей “Свадьбе”, топчась на месте, увековечил Борис Леонидович Пастернак. Поэт – или его, пардон, лирический герой – величественно любит; а сам-то ведь побаивается туда же, к простому люду пьяных мужичков, выйти. Ибо вдруг поколотят, к чему причина есть. Нет, не смотреть умиленно-обалдело – а **участвовать во всенародном хороводе**, где нет и грамма от разнузданного свального карнавала так называемой Европы. (Идея Палиевского; сам от него слышал, а он теперь отрицает.) Так что и задача была, и поэт её чуял, но решить её не могли ни он, ни эпоха.

*К чёрту я скидаю свой костюм английский.
Ну-ка, дайте косу, я вам покажу:
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий?*

После Есенина – почти без осложнений, без упитий в дым и почти без буйного рукоприкладства – у нас на этом уровне разве что Шолохов, Шукшин, Белов и Рубцов. Помню в той же связи и Палиевского: в городе Бабушкине у него дома, при матушке и жене, с блинами или пасхой-куличом на столе; и в руках у автора книги “Литература и теория” – балалайка.

Она, а не задумчиво-мужественная гитара Булатов Шалвóвичей. Она, родная! И сын мой, юный балалаечник же, с удивлением и радостью смотрит и слушает, пожирая праздничную пасху бабушки Жени. Спасибо и ей за всё – верной поставщице нам билетов в Большой зал Консерватории.

* * *

Обобщу теперь своими словами, а других у меня нету, какой получилась жизнь, во многом удачно сложившаяся благодаря Петру Васильевичу. То есть не жизнь какого-нибудь взятого из книги Хаджи-Мурата или Микулы Селяниновича Мелехова, а обычного человека. От бездомности или бесприютности – и миную аксаковское, то есть, по аксаковскому словцу, “студентство” – к семье и счастью.

*Осталась минута. От дикого ветра
Укрылись с тобою мы в будке фанерной,
И я говорю, что с неделю, наверно,
Не будет вестей с моего километра.*

*Подходит дрезина по узкоколейке.
А ты всё стоишь, опустивши ресницы,
И, палец продев сквозь дыру в рукавице,
Счищаешь пылинки с моей телогрейки.*

*Ни слова опять с твоих уст не сорвётся.
Но слышится мне: А я ждать и не буду —
Ведь сердцу не нужно вестей ниоткуда,
Оно у тебя навсегда остаётся.*

*Как в детстве всё это легко начиналось!
Подходят дрезины. Отходят дрезины.
А сердце — моё-то где сердце осталось?
Вблизи Воркуты? Иль в дали Аргентины?
Иль всё это сон?*

*Но весьма вероятно —
Один по любви, а другой по работе, —
И вы с Колымы в Лиссабон попадёте,
И даже, с почётом, вернут вас обратно.*

*Дохнут сквознячком с тех учтивых таможен,
Где часу иным на полжизни хватает...
Что ж: будет и там, кто вам сердце предложит,
Кто весть передаст, сыновей воспитает.*

*Лишь, выйдя на волю, былым не кичитесь:
На воле сложнее — там опаснее ветер.
Не каждый, как в детстве, вам сердцем ответит,
Да вы, в пятьдесят, и спросить побоитесь.*

*И всё ж это — воля. Куда торопиться?
Проваливай, жалкие годы студентства!
Но что до советского честного детства —
К нему б я сводил сыновей, подучиться.*

Вы скажете, здесь нету литературоведения. Да, нету; но жизнь — что, разве мало?

Повторяю: значительная часть этого, а особенно добрый этого исход, была обязана Петру Васильевичу.

А он отпирался, хотя и не ругал. “Насчёт советского честного детства вы верно сказали. “Студентство” — это да, по Аксакову. Тоже справедливо. И насчёт того, что там “часу иным на полжизни хватает”. [Знаю, кого он имел в виду — но не пришло время огласить.] А ещё правильно — “да вы, в пятьдесят, и спросить побоитесь”. Хотя...” На этом Пётр Васильевич прервался, и я тоже почти прерываюсь.

То был 1987 год, ему было пятьдесят пять, мы сидели в так называемом ИМЛИ АН СССР.

* * *

Ещё много позже я спросил у него: а почему один человек, у которого в детстве на шее висела табличка с проставленным фашистами номером, не претендует на компенсацию, контрибуцию, приплату?

“Логика в этом есть. **Потому что всяческие их контрибуции и тому подобное — НЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА**”. Это я слышал от Петра Васильевича на Поварской, по пути к “Арбатской”, примерно в 1997 году.

* * *

Вернёмся к самому началу темы. В России, причём в день международного братства трудящихся, родился — был 1932 год — чистый и честный русский человек. В таких обстоятельствах рождения совместились сразу две

идеи. Обе эти идеи человек всю жизнь и представляет, им верно служит своим трудом; только без международного скитальчества, подвижники которого крайне на Петра Васильевича озлоблены за его неуязвимость.

Не учите Петра Васильевича жить, писать, думать и “правильно вести себя”. Лучше подучитесь сами. И не забудьте перечитать его очень своевременные, нужные книги с пользой для себя. Не то он напишет короткую такую статейку о вас, любезнейшие.

* * *

Интересно, знают ли в Смоленске о восьмидесятилетии своего славного земляка? Возраст для вполне ещё разрешимых задач.

Хотя есть и важная особенность. Человек знает, что решать надо даже и задачи неразрешимые, не имитируя их разрешимость через всяческие парадигматики и бинарные оппозиции.

А в Америке, куда его приглашали и где оставляли, он не задержался. Не очень понравилось.